

М.В. Шкаровский

Новомученицы и исповедницы — духовные дочери святого Иоанна Кронштадтского

Беспрецедентные со времен преследования христиан в первые века нашей эры гонения на христианство в советской России стали причиной появления целого сонма новомучеников и исповедников, значительную часть которых составляли женщины. Между тем их имена до сих пор в подавляющем большинстве остаются неизвестными. Так, из 30 тысяч биографий новомучеников, содержащихся в настоящий момент в базе данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, лишь около трех с половиной тысяч составляют женские биографии: 83 игумений, 3200 монахинь и послушниц и немногим более 200 мирянок.

Между тем именно подвиг женщин во многом позволил Русской православной церкви выстоять в эпоху жестоких гонений. Они не только составляли большую часть паствы, но и преобладали среди членов приходских советов, особенно в конце 1930-х годов, когда значительная часть этих членов подвергалась репрессиям. Кроме того, тысячи жен, невест, духовных дочерей добровольно последовали за сосланными или арестованными священнослужителями в места отбытия наказаний и зачастую спасали их там (для сравнения: за декабристами в Сибирь последовали лишь девять жен и две невесты). Подвиг этих женщин, за редкими исключениями, остается неизученным.

Очень мало женщин и среди 1650 прославленных в лике святых новомучеников Русской Православной Церкви. Так, например, в Санкт-Петербургской епархии из 120 канонизированных новомучеников, не считая членов императорской семьи, имеется всего лишь пять женщин: великая княгиня Елизавета Федоровна, схимонахиня Мария Гатчинская (Леянова), члены Александро-

Невского братства Екатерина Арская и Кира Оболенская, прихожанка Сергиевского всей артиллерии собора Анна Лыкошина. Однако в епархии было очень много достойных канонизации монахинь и мирянок, в частности, новомучениц и исповедниц — насельниц Иоанновского монастыря.

Основанный святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским в Санкт-Петербурге в 1900 г. Иоанновский женский монастырь был любимым «детищем» батюшки, где великий святой завещал похоронить себя после смерти. Поэтому неслучайно многие ближайшие духовные дочери о. Иоанна уже при его жизни были или со временем стали насельницами Иоанновского монастыря. Некоторые из них достойны того, чтобы написать о них отдельную книгу. Но в публикуемой статье, ввиду ограниченности объема, говорится лишь о трех монахинях.

Сразу же после получения в феврале — апреле 1900 г. разрешения Святейшего Синода, епархиального начальства и императора Николая II на устройство в столице (на набережной реки Карповки) подворья Сурского Иоанно-Богословского монастыря о. Иоанн благословил быть делопроизводительницей и наблюдать за постройкой здания подворья свою духовную дочь, много лет известную ему по благотворительной деятельности в Кронштадте и глубоко преданную батюшке Анну Семеновну Сергееву. Она родилась в 1867 г. в Петербурге в семье купца Семена Игнатьевича Игнатьева, окончила с правами учительницы Литейную женскую гимназию, затем вышла замуж за временного 2-ой гильдии купца, владельца мастерской Михаила Артемьевича Сергеева. Своих детей у Анны Семеновны не было, и в 1898 г. они с мужем удочерили только что родившуюся девочку, которую назвали Надеждой. Но оказалась, что тихая семейная жизнь не суждена была будущей игуменье. В начале 1900 г. в течение короткого времени скончались ее отец, мать и муж.

После беседы с отцом Иоанном и по благословению святого молодая вдова 24 мая 1900 г. подала ходатайство о приеме в число сестер Сурского Иоанно-Богословского монастыря, 1 июня оно было рассмотрено в Архангельской Духовной консистории, и 19 июня Анну Семеновну зачислили в послушницы обители. Около двух месяцев она проживала на родине о. Иоанна в Суре, а затем возвратилась в Петербург; 28 августа паспортную книжку Сергеевой выслали из Архангельской епархии в столицу. Вернувшись в родной город, Анна Семеновна тут же включилась в начавшиеся 8 мая строительные работы на набе-

режной реки Карповки. В ее формулярном списке о том времени указано:

Проходила послушание у свечного ящика и заведовала ежедневно постройкой Сурского подворья, вела комиссионный журнал по постройке подворья¹.

11 декабря 1900 г. Анна была пострижена в рясофор на Петербургском подворье Леушинского женского монастыря иеромонахом Валаамской обители Маврикием, а 27 октября 1901 г. приняла монашеский постриг в мантию на Леушинском подворье от святого новомученика смотрителя Александро-Невского Духовного училища архим. Никодима (Кононова), убиенного в 1919 г. в сане епископа Белгородского. При постриге ей было дано имя Ангелина.

В напутственном слове, произнесенном по принятии духовной дочерью ангельского образа, о. Иоанн заповедовал ей:

Распни себя и миру и страстям, и да воцарится в сердце твоём Христос Бог, — верою, любовью святою, усердием к Нему, молитвою, постоянным вниманием к себе, воздержанием, смирением, послушанием, кротостью и незлобием, бескорыстием. Отврати сердце твое от земли и живи умом и сердцем на небесах².

Всею своею жизнью матушка Ангелина исполнила завет кронштадтского пастыря.

В 1901 г. она была назначена заведующей Сурским подворьем. Основные строительные работы успешно закончились в очень короткий срок — всего за два года, поэтому 7 августа 1902 г. Святейший Синод принял определение наградить монахиню за труды по постройке подворья наперсным крестом. В январе 1903 г. согласно просьбе о. Иоанна Сурское подворье было преобразовано в самостоятельный женский монастырь, названный Иоанновским в честь преп. Иоанна Рыльского — небесного покровителя кронштадтского пастыря. С первых дней матушка Ангелина управляла новой обителью за настоятельницу. А 18–20 марта 1903 г. Святейший Синод постановил:

1. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 113. Д. 4213. Л. 1–2.

2. Собрание документов и материалов Иоанновского монастыря.

Монахиня С.-Петербургского Иоанновского общежительного женского монастыря Ангелина назначена настоятельницей той же обители с возведением в сан игуменьи³.

28 марта 1903 г. монахиня Ангелина была возведена в сан игуменьи во время богослужения в Иоанновском монастыре митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским).

Матушка была обязана о. Иоанну не только духовными наставлениями, но и самой жизнью: 23 июля 1904 г. в Вауловском скиту Иоанновского монастыря (в Ярославской губ.) игуменья попала под лошадь и колеса коляски. Оказавшийся рядом кронштадтский пастырь чудесным образом спас тяжелораненую матушку. Духовная дочь о. Иоанна Екатерина Васильевна Духонина так писала в своем дневнике об исцелении игуменьи Ангелины:

Никто не думал, что она останется жива. Батюшка в это время усиленно молился, и она не только осталась жива, но даже не изуродовалась (осталась такой же красивой и цветущей, как была) и имела силы на другой же день вернуться с батюшкой в свой монастырь в Петербурге.

Екатерина Духонина также записала, что на выраженные одной женщиной сомнения о. Иоанн ответил:

Я сам ведь видел, как по ней переехала коляска, и она осталась жива только чудом. Господь оказал мне великую милость: услышал мою молитву и сотворил это чудо⁴.

Вплоть до кончины 20 декабря 1908 г. святого о. Иоанна Кронштадтского игуменья Ангелина оставалась одной из его ближайших духовных дочерей. Сохранились несколько их совместных фотографий начала XX в., в том числе и в Вауловском скиту. Не случайно в своем завещании от 19 декабря 1908 г. о. Иоанн именно игуменью назначил своей душеприказчицей, а почти все имущество завещал Иоанновскому монастырю⁵. Последнее свое распоряжение святой сделал 19 декабря 1908 г. в 8 часов вечера. Игуменья Ангелина, проведшая при батюшке весь этот день, просила у него благословения освятить храм-усыпальницу в обители, который был давно готов,

3. Церковные ведомости. 1903. № 3. С. 91.

4. Духонина Е.В. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери). М., 1998. С. 153, 156.

5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 151. Оп. 2. Д. 90. Л. 85–86 об.

но не освящен. На эту просьбу о. Иоанн ответил: «Да, да, освятить» – и поднял руку в знак благословения. Игуменья, приняв благословение, уехала в монастырь готовиться к освящению (оно состоялось 21 декабря, а 23-го произошло погребение святого)⁶.

Обитель быстро росла — в 1911 г. число сестер уже превышало двести человек. Игуменья Ангелина успешно руководила всем обширным монастырским хозяйством и духовной деятельностью обители. За свои труды 30 июня 1911 г. она была удостоена пожалованием золотого наперсного креста из кабинета Его Императорского Величества, а 6 мая 1913 г. — золотого наперсного креста с украшениями «в знак монаршего внимания к трудам на пользу Православной Церкви»⁷. Настоятельница участвовала в Белгородских торжествах по случаю канонизации святого Иоасафа Белгородского. А 28 августа 1912 г. она была представлена в Петергофе вместе с членами Святейшего Синода императору Николаю II.

Церковная деятельность матушки Ангелины постепенно приобрела международную известность. Так, указом короля Сербского Петра I от 16 октября 1910 г. ей был пожалован орден св. Саввы Сербского 4-й степени. А 28 марта 1913 г. в обители состоялось светлое торжество в честь десятилетия пребывания матушки Ангелины в сане игуменьи. Литургию и благодарственный молебен совершил святой новомученик епископ Гдовский Вениамин (Казанский), в будущем митрополит Петроградский. А вечером игуменью посетили и поздравили патриарх Антиохийский Григорий IV, а также митр. Макарий (Невский) и архиеп. Евлогий (Георгиевский). В 1913 г. исполнялось 300 лет с начала царствования дома Романовых, и к этому юбилею в Петербурге был построен храм-памятник — собор Феодоровской иконы Божьей Матери. Игуменья Ангелина сделала значительные пожертвования на его содержание, в связи с чем 11 октября 1913 г. была удостоена благодарности императора, а 24 февраля 1914 г. ей высочайше пожаловали нагрудный знак почетного члена строительного комитета по сооружению храма-памятника.

В самом Иоанновском монастыре также продолжались строительные работы — были возведены новый корпус, две часовни и т. д. В августе 1913 г. игуменья обратилась с ходатайством о разрешении построить каменный трехпрестольный

6. Кончина и погребение отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909. С. 3–4.

7. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4334. Л. 3.

храм-усыпальницу на 500 мест для почитателей и благотворителей обители. Но вскоре началась Первая мировая война, и все работы пришлось прекратить. У настоятельницы появились новые заботы — размещение в обители детей-сирот из Галиции, эвакуированных сестер Леснинского монастыря, организация приюта дочерей Георгиевских кавалеров и т. д. Так, в августе 1914 г. при обители был устроен лазарет на 50 коек для больных и раненых воинов. 14 сентября 1915 г. за особые труды по формированию при монастыре лазарета императрица Мария Федоровна наградила игуменью знаком отличия Красного Креста 2-й степени. Продолжал проявлять свое расположение к игум. Ангелине и император Николай II: 29 июня 1915 г. он пожаловал ей свой фотографический портрет с «собственноручным начертанием» своего имени⁸.

В первые годы после Октябрьской революции игум. Ангелина продолжала оставаться главой обители. После создания 31 августа 1919 г. приходского совета храмов монастыря она была избрана почетным председателем совета с правом решающего голоса и непременным членом президиума. Настоятельница по-прежнему лично занималась всеми сторонами жизни обители, в том числе и деятельностью приходской общины. Сохранились свидетельства сестер об этом периоде жизни игум. Ангелины. В книге воспоминаний монахини Вероники (Котляревской) говорится:

Батюшка, отец Иоанн Кронштадтский, не мог ошибиться, да и не ошибся, поставив именно ее во главе обители. Тихая, задумчивая, молчаливая, смиренная, большая молитвенница — она никогда не пыталась добиться послушания властным окриком или строгим поступком. Лучшие монахини понимали и ценили ее. Одна из них рассказывала: «Вот поспорят и поссорятся сестры, кто-нибудь из них вспылит или вообще сделает какой-либо нехороший поступок. Матушка зовет к себе провинившуюся. Та идет еще полная гнева, готовая к отпору, а матушка станет мирно расспрашивать ее, как она живет, о чем думает. В самую глубину души заглянет. И сестра уходит от нее успокоенная, утешенная с полным сознанием своей вины и недостойности, хотя матушка ее ни в чем не упрекнула»⁹.

В то же время настоятельница умела поддерживать и необходимую в обители дисциплину. Так, послушница Мария Сивко после ареста в феврале 1932 г. на допросе рассказывала:

8. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4334. Л. 3.

9. Вероника (Котляревская), мон. Воспоминания монахини. Сан-Франциско, 1955. С. 15.

Наша игуменья особенно нас куда-либо ходить не пускала, а если уходите, то только с ее разрешения и туда, куда она нам ходить предлагала¹⁰.

Пятнадцатилетие пребывания матушки Ангелины в сане игуменьи, исполнившееся 28 марта 1918 г., было отмечено грамотой Святейшего патриарха Тихона. Последующие же годы принесли ей много бед и лишений.

Особенно тяжелыми и трагичными стали 1922–1923 годы. Первым испытанием стала развернутая органами власти кампания по изъятию церковных ценностей «на нужды голодающих Поволжья» (в действительности голодающим пошла лишь малая их часть). Опасаясь любого обмана и подозревая всех и каждого, в феврале 1922 г. районные власти потребовали от монастыря предоставления инвентарной книги дореволюционного времени. Однако ее не было до 1919 г., все управление имуществом принадлежало руководству обители, возглавляемому игум. Ангелиной, а она не вела никакой описи инвентаря, не считая это целесообразным. Но доказать этот простой факт враждебно настроенной власти было не так-то просто. Представители духовенства, в том числе настоятельница (4 мая), вызывались по этому вопросу в милицию, где подвергались унижительным допросам. Дело приняло настолько серьезный характер, что игуменья чуть не была привлечена к суду за сокрытие инвентарной книги. Так, заведующий районным отделом управления 10 мая 1922 г. писал в ГПУ:

...То обстоятельство, что игуменья Ангелина не внесла в первоначальную опись всего имущества и ценностей и не представила в 1919 г. инвентарной книги, дает основание предполагать, что инвентарная книга ею сокрыта... а поэтому прошу дать настоящему делу надлежащий ход¹¹.

Следует отметить, что еще в конце 1921 г. насельницы обители и прихожане ее храмов добровольно передали для помощи голодающим 936 тыс. рублей. Вопрос помощи поднимался и на общем собрании 26 февраля 1922 г., которое вновь единогласно избрало почетным председателем приходского совета игуменью Ангелину и постановило:

10. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-84991. Т. 1. Л. 209.

11. ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 90. Л. 121 об.

...Благодарить м. игуменью и всех сестер за поддержание храмов и сохранение имущества в должной чистоте и порядке, за благолепие церковных служб и вообще за все заботы об Иоанновской обители¹².

Когда 19 апреля 1922 г. в монастырь пришли семь членов комиссии по изъятию ценностей, чтобы вывезти их из обители на подводах, то они встретили неожиданное, стихийно вспыхнувшее сопротивление прихожан. Несколько мирян, пробравшись на колокольню, ударили в набат. Число верующих быстро выросло почти до двух тысяч. Группа возмущенных прихожан проникла даже в покои настоятельницы, где в страхе спрятались члены комиссии. Последних спасли члены приходского совета. Вечером, согласно официальной сводке, «порядок был восстановлен войсками». Поднятый по тревоге отряд вооруженных курсантов силой разогнал собравшихся, арестовав десять человек. После этого ценности были изъяты, но власти все же решили, что необходимо возбудить судебное дело против руководства обители. И 18 мая отдел управления просил ГПУ предъявить обвинение игуменье в расхищении предметов, пожертвованных прихожанами и почитателями о. Иоанна Кронштадтского, на что якобы давало право: во-первых, отсутствие инвентарной книги, которая не велась вовсе; во-вторых — то, что были обнаружены и изъяты предметы, не включенные в опись 1919 г. (в значительной части личные вещи насельниц)¹³.

Следователь Петрогубревтрибунала допросил настоятельницу 30 мая. Обвинение в расхищении оказалось абсолютно бездоказательным, и теперь игуменью ставили в вину главным образом организацию противодействия изъятию церковных ценностей. На допросе она все обвинения категорически отвергла:

За несколько дней до изъятия ценностей в монастыре среди церковного совета сложилось определенное мнение в деле помощи голодающим, которое сводилось к тому, чтобы изъятие ценностей прошло благополучно, но по независящим от церковного совета причинам толпа первоначального изъятия не допустила... Агитации против изъятия церковных ценностей среди духовенства монастыря не велось. С моей стороны агитации против изъятия церковных ценностей не было абсолютно, и виновной себя в таковой не признаю¹⁴.

12. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-36314. Т. 10. Л. 80.

13. ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 4. Л. 167–168.

14. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-36314. Т. 10. Л. 90–91.

Следует подчеркнуть, что настоятельница 19 апреля лично успокаивала прихожан, уговаривая их не применять насилие. Однако следствие не желало признать тот очевидный факт, что выступление прихожан было стихийной вспышкой народного гнева. Следователь В. Куприянов 30 мая после допроса настоятельницы, «усматривая наличность признаков преступного деяния», постановил:

Привлечь игуменью Ангелину к следствию по обвинению в допущении толпы, оказавшей противодействие власти во время изъятия церковных ценностей.

Матушка Ангелина была вынуждена дать подписку, что без разрешения губревтрибунала не станет никуда отлучаться из обители (т. е. была посажена под домашний арест)¹⁵.

Начатое в отношении игуменьи следствие было лишь частью задуманного властями грандиозного судебного процесса над цветом петроградского духовенства. Митрополита Вениамина (Казанского) и близких к нему священнослужителей и мирян обвинили в попытке добиться изменения декрета об изъятии церковных ценностей и организации сопротивления его выполнению. Восемьдесят шесть человек предстали в качестве обвиняемых на открывшемся 10 июня судебном процессе, в том числе настоятель храмов Иоанновского монастыря прот. Иоанн Орнатский и трое их прихожан. Семерых мирян, задержанных у стен обители 19 апреля, и игуменью Ангелину власти решили на процесс «не выводить», хотя следствие по их делу продолжали; 5 июля 1922 г. Петроградский губревтрибунал вынес жестокий и несправедливый приговор: десять человек были приговорены к расстрелу. Шестерых позднее помиловал ВЦИК, а четверо, в том числе св. митрополит Вениамин, расстреляны в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

Следствие же по делу игуменьи Ангелины продолжалось еще несколько месяцев. Так, 4 августа Петрогубревтрибунал указал заведующему районным отделом управления командировать в следственный отдел сотрудников, проводивших 17 мая обыск в обители, для дачи показаний. А 11 августа следователь трибунала просил районные власти «по имеющемуся в его производстве делу об “Иоанновском монастыре” сообщить конкретный мате-

15. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-36314. Т. 10. Л. 135-135 об.

риал о сокрытии приходским советом обители церковных ценностей»¹⁶. Но такого материала практически не оказалось, и следствие постепенно заглохло.

Осень 1922 — начало 1923 гг. было героическим временем в истории Петроградской епархии. На захват с помощью ГПУ просоветскими обновленцами руководства в Русской Церкви духовенство и верующие ответили массовым сопротивлением. Одной из первых в августе оформилась так называемая Петроградская автокефалия, не признававшая власть обновленческого Высшего церковного управления. Возглавляли ее епископы Алексей (Симанский, будущий патриарх) и Николай (Ярушевич). В Петроградскую автокефалию входил и Иоанновский монастырь. Так, 1 ноября — в день ангела о. Иоанна Кронштадтского — прихожане и монахини не допустили обновленцев служить в храмах и пригласили еп. Николая (Ярушевича). Однако 30 октября игуменья Ангелина и прот. Иоанн Орнатский получили извещение властей:

Отдел управления Петроградского района настоящим предлагает Вам не допускать к совершению богослужения в Вашем монастыре 31 октября и 1 ноября с. г. епископа Николая Петергофского (Ярушевича). В случае неисполнения настоящего распоряжения настоятель и игуменья будут привлечены к ответственности, вплоть до ареста¹⁷.

Одновременно милиции было предписано следить за исполнением указания. После получения запрещения прихожане и монахини «обошлись силами» своего причта, но так и не допустили обновленческих «архиереев», пытавшихся пробраться в обитель.

В ответ Петроградское епархиальное управление обновленцев 3 ноября приняло решение:

1. Распустить приходской совет Иоанновского монастыря... 3. Настоятеля церкви монастыря протоиерея И. Орнатского и игуменью или ее заместительницу вызвать на 8-е сего ноября в епархиальное управление к 2 час. дня для объяснения по данному делу¹⁸.

Но до разгрома Петроградской автокефалии власти не решились проводить какие-либо акции в отношении обители. Ситуация изменилась к весне 1923 г. В феврале были арестованы епи-

16. ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 90. Л. 118, 132.

17. Там же. Л. 142.

18. Там же. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 6. Л. 72–72 об.

скоп Николай и его ближайшие помощники, под репрессивными ударами автокефалия начала распадаться. Это «развязало руки» властям, и 12 мая 1923 г. храмы монастыря были насильно переданы новому обновленческому (живоцерковному) приходскому совету («двадцатке»).

Большинство насельниц (около 200 человек) во главе с игуменьей Ангелиной, желая сохранить обитель, остались в монастыре. Их отношения с новой «двадцаткой» были весьма напряженными, а с середины лета — открыто враждебными. Стремясь покончить с «гнездом контрреволюции», президиум Петроградского губисполкома принял решение о закрытии монастыря и принудительном выселении его насельниц из здания. В результате 14 ноября 1922 г. храмы обители были закрыты, большую часть сестер к тому времени изгнали из монастыря (лишь около 60 человек, проявив невероятную самоотверженность и упорство, продержались в здании обители до 1932 г.).

Духовное руководство сестрами, как оставшимися в здании на набережной реки Карповки, так и изгнанными из монастыря, вплоть до своей кончины продолжала осуществлять игуменья Ангелина. В ноябре 1923 г. она со своей тетей — бывшей заведующей Вауловским скитом монахиней Евпраксией (Кононовой), казначеей монахиней Иоанной (Лежоевой) и инокиней Натальей Репиной поселилась по адресу: ул. Полозова, д. 22, кв. 37 на Петроградской стороне, сняв квартиру вблизи от нескольких семей бывших прихожан Иоанновского монастыря. При этом настоятельнице удалось вывезти часть документов обители, в том числе книгу записей ее почетных посетителей, в которой были описаны и случаи чудесного исцеления. В дальнейшем матушка Ангелина приняла схиму. В 1926 г. она тяжело заболела, чему способствовал сильный холод в квартире, которая не отапливалась из-за нехватки средств.

В январе 1927 г., несмотря на болезнь, схиигуменья навестила общину бывших сестер монастыря при Скорбященской церкви в Невском районе. Монахиня Вероника (Котляревская) позднее вспоминала:

Незадолго до своей кончины она посетила маленькую общину сестер Иоанновского монастыря, поселившуюся недалеко от церкви и часовни с иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Стеклянном заводе. Сестры почувствовали ее присутствие как большой светлый праздник. Если не ошибаюсь, это было в 1927–1928 гг. Она тоже уже жила на частной квартире.

Через несколько дней она прислала юродивого нищего Мишу сказать, что ей плохо. А еще через два дня ее не стало¹⁹.

Схиигуменья скончалась 8 февраля 1927 г. в квартире на ул. Полозова. В это время она находилась под следствием, готовился ее арест. Согласно устному преданию, матушка Ангелина молила Бога о том, чтобы умереть до ареста, не попасть в безбожные руки большевиков. Так и случилось: как только агенты ОГПУ вошли в дверь с ордером на ее задержание, схиигуменья скончалась. Митрополит Ленинградский Григорий (Чуков), служивший в конце 1920-х гг. настоятелем Николо-Богоявленского собора, записал в своем неопубликованном дневнике, что он присутствовал на отпевании матушки 10 февраля в церкви Алексия Человека Божия (ближайшей к закрытому Иоанновскому монастырю). Отпевали схиигуменью два выдающихся архиерея: епископ Петергофский Николай (Ярушевич) — будущий митрополит Крутицкий и Коломенский, и архиепископ Хутынский Алексей (Симанский) — будущий патриарх Московский и всея Руси Алексий I. Похоронили матушку Ангелину на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры, недалеко от церкви святителя Николая. Все годы безбожия православные петербуржцы неизменно почитали эту скромную могилу, на кресте которой находились два портрета схиигуменьи: на первом она изображена одна, на другом — вместе со своим духовным отцом св. Иоанном Кронштадтским.

По свидетельству упоминавшейся монахини Вероники — келейницы св. Серафима Вырицкого,

...Спустя некоторое время лаврский старец схимник Серафим видел сон: к нему пришли три игуменьи — основательница Дивеева мать Александра, Шамординская настоятельница и недавно скончавшаяся игуменья Иоанновского монастыря мать Ангелина. Они беседовали с ним и сказали, что им хорошо, что они вместе утешаются в Горних обителях, благословили, передали благословение его духовным детям и исчезли²⁰.

Нынешние насельницы возрожденного в 1989 г. монастыря молитвенно чтят память его строительницы и первой настоятельницы. Ежедневно схиигуменья Ангелина с сестрами поминается за проскомидией. В течение нескольких лет каждый год в

19. Мон. Вероника (Котляревская). Указ. соч. С. 15.

20. Там же.

день ее памяти сестры шли на Никольское кладбище Лавры и служили панихиду. Но 29 октября 1997 г. в жизни обители произошло знаменательное событие — с благословения патриарха Алексия II состоялось обретение и перенесение останков схиигуменьи Ангелины в монастырь. Сестрам удалось прочитать на сохранившейся части схимы слова, символически отображающие подвиг схиигуменьи: «...ланиты моя дах на заушение...» и «яко кроток есмь и смирен сердцем». Гроб с почившей на несколько дней был установлен в монастырском соборе Двенадцати Апостолов, а затем, теперь уже для вечного упокоения, перенесен в храм-усыпальницу святого праведного о. Иоанна Кронштадтского. Праведница, подвижница, страстотерпица матушка Ангелина обрела благодать у Бога. Никогда не прекращавшееся почитание ее церковным народом растет.

Другой ближайшей духовной дочерью святого о. Иоанна Кронштадтского была монахиня Иоанна (в миру Анна Яковлевна Лежоева). Она родилась в 1869 г. в Петербурге в богатой купеческой семье, окончила в столице Патриотическую Рождественскую школу. Девушка с юности хотела принять монашеский постриг и замуж не вышла. О ее близости к о. Иоанну свидетельствуют письма батюшки. Так, например, 10 июня 1901 г. кронштадтский пастырь писал игуменье Леушинского монастыря Таисии, что Анна Яковлевна сопровождала его в начале июня в поездке в Сурский монастырь и пожертвовала на обитель 200 рублей. Лежоева с самого начала возведения Иоанновского монастыря принимала деятельное участие в его построении и в 1903 г. стала насельницей обители. Сначала она проходила послушание старшей свечницы, а с 1904 г. исполняла обязанности казначеи; 17 декабря 1907 г. Лежоева была определена послушницей монастыря по указу Санкт-Петербургской Духовной консистории²¹.

В 1907–1908 гг. в обители был устроен храм-усыпальница о. Иоанна Кронштадтского, освященный во имя св. пророка Илии и св. царицы Феодоры (имена отца и матери батюшки). Средства на его строительство дала, как сообщалось в периодическом издании «Колокол», одна петербургская жертвовательница, пожелавшая остаться неизвестной. Теперь известно, что это была Анна Яковлевна. Сохранилось опубликованное свидетель-

21. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4213. Л. 14.

ство монахини Викторины (Кореневой), считавшей мон. Иоанну (Лежоеву) своей «духовной матерью»:

На средства матушки была устроена усыпальница о. Иоанна Кронштадтского. Батюшка Иоанн говорил: «Как ты матушка приготовила мне место успокоения на земле, так я для тебя приготовлю место на небе». Сама монахиня Иоанна была очень кроткого нрава. Ее келейница говорила, что никогда не видела, чтобы матушка вышла из себя — она всегда была мирная и любвеобильная... Как духовная дочь о. Иоанна, она от него при жизни получила благословение писать записочки, класть их за образ и вынимать с молитвой, и с полной верой поступать так, как написано в записочке. Так она и поступала. Даже к нам идти или нет. Она клала записочку. И если выходило не ходить, так тогда не приходила. Так она делала каждый раз... Отец Иоанн ее сохранял, и она умерла своей смертью. Он сказал ее сестрам, что она замолит весь их род²².

Анна Яковлевна приняла монашеский постриг в мантию с именем Иоанна от св. новомученика епископа Гдовского Вениамина (Казанского) 19 ноября 1911 г. в Иоанновском монастыре, а 9 марта 1912 г. была утверждена казначеей обители²³. Эти обязанности монахиня Иоанна успешно исполняла до закрытия монастыря в 1923 году; 29 марта 1917 г. матушке была вынесена благодарность Святейшего Синода. После образования в 1919 г. приходского совета при храмах обители мон. Иоанну избрали его членом и казначеем совета. В это время — вплоть до 1923 г. — монахиня также исполняла послушание помощницы настоятеля храмов обители.

Осенью 1923 г. матушка в числе других сестер активно боролась против закрытия монастыря и выселения его насельниц, в частности 20 сентября подписала соответствующее заявление в президиум Петроградского губисполкома. Но в конце года ей пришлось покинуть родную обитель, и, как уже упоминалось, поселиться в небольшой общине вместе с игуменьей Ангилиной и еще двумя сестрами на ул. Полозова, 22–37. Не зная, кого выбрать своим духовником после закрытия монастыря, матушка обратилась с этим вопросом к викарию Петроградской епархии епископу Гдовскому Димитрию (Любимову). Владыка ответил ей: «Лучше, чем отец Викторин, не найдешь, ступай к нему»²⁴. С того времени монахиня Иоанна окормлялась у духовного сына

22. Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. Сидней, 1991. С. 9.

23. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4334. Л. 9.

24. Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 7.

о. Иоанна Кронштадтского, известного петроградского протоиерея Викторина Добронравова, с 1919 г. служившего настоятелем церкви свт. Николая Чудотворца при Доме-убежище для престарелых актеров им. М.Г. Савиной на Петровском острове.

В конце 1927 года прот. Викторин стал одним из активных участников так называемого иосифлянского движения²⁵, оппозиционного советской власти и Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергию (Страгородскому). Протоиерей в 1927 г. входил в состав делегации ленинградских иосифлян к митр. Сергию. После неудачного исхода беседы 26 декабря вместе со своими единомышленниками он отделился от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Матушка Иоанна также стала иосифлянкой и прихожанкой Никольской церкви до ее закрытия 8 февраля 1930 г.

Неизбежная угроза ареста нависла над о. Викториним, который вместе со своими духовными детьми перешел в Пантелеймоновскую церковь на Пискаревке. В эти трудные дни матушка Иоанна поехала к проживавшей в Ленинграде после разгрома Шамординского монастыря юродивой схимонахине Антонине, чтобы просить ее молитв за своего духовника, 19 сентября 1930 г. протоиерей В. Добронравов все-таки был арестован, приговорен к 10 годам лагерей и осенью 1931 г. отправлен в Беломоро-Балтийский лагерь. Матушка Иоанна в это время находилась под домашним арестом. В город святого Петра о. Викторин уже не вернулся (он был расстрелян 28 декабря 1937 г. в городе Боровичи).

Сохранилось описание совместной жизни сестер на ул. Полозова после кончины в 1927 г. схиигуменьи Ангелины:

После ее смерти сестры разошлись, и осталась матушка Иоанна одна со своей келейницей инокиней Наталией в одной комнате на первом этаже. Вскоре к ним приехала начальница Сурского подворья [на самом деле бывшая заведующая Вауловского скита] 90-летняя матушка Евпраксия, и Наташе приходилось обслуживать обеих. Главное, они были разных толков: матушка Евпраксия была сергианка, а матушка Иоанна — иосифлянка. Трудно им было вместе молиться. Они обе были лишенцы, т. е. им не давали хлеба (хлеб был по карточкам). Они питались за счет благодетелей. У матушки Евпраксии была большая вера в батюшку о. Иоанна Кронштадтского. Вот захочется ей чего-нибудь, она и молится ему: «Батюшка, дорогой (так она его звала), как хочется хлеба или булочки хочется», а то скажет:

25. По имени руководителя – митрополита Иосифа (Петровых).

«апельсинчика», — и через некоторое время на окошке появлялось то, что она просила, — кто-нибудь да принесет. Всегда бывала услышана²⁶.

7 октября 1933 г. матушка Иоанна была арестована по делу «нелегальной церковно-монархической группы монашествующих». Всего по этому делу проходили 26 иосифлян, в том числе канонизированный в 2000 г. Архиерейским собором священномученик иерей Павел Гайдай, старец священник Алексей Колесов, дьякон Филимон Юдин, монахини и миряне. Их обвинили в антисоветской деятельности и проведении тайных богослужений на квартирах (все иосифлянские храмы в Ленинграде, кроме одного, уже были закрыты).

При обыске квартиры монахини Иоанны в октябре 1933 г. агенты ОГПУ обнаружили много литературы о святом о. Иоанне, которая распространялась среди верующих, и церковную утварь, так как в квартире проводились тайные богослужения. Матушка на допросе бесстрашно сказала, что она является последовательницей о. Иоанна Кронштадтского, а обнаруженная литература и утварь принадлежат ей, источником же пропитания является исключительно помощь единомышленников. На вопрос о судьбе сестер обители монахиня Иоанна ответила, что группы насельниц после закрытия монастыря расселились по разным местам Ленинграда и Ленинградской области, стараясь сохранить монашеский образ жизни и надеясь вернуться обратно, так как советскую власть считают временной²⁷. Взяв всю «вину» на себя, матушка фактически спасла от ареста проживавших с ней инокиню Наталью и монахиню Евпраксию.

Бывшую казначею обвинили в церковно-монархической пропаганде, оказании помощи репрессированным и странничестве по иосифлянским храмам Ленинграда и области. Но главное обвинение о принадлежности к нелегальной антисоветской группе доказать не удалось, и 23 декабря 1933 г. Тройка Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила монахиню, учтя ее преклонный возраст, к 3 годам лагерей условно. Большинство других арестованных по данному делу были приговорены к 3–5 годам лагерей или ссылке на 3 года в Казахстан (в том числе священномученик Павел Гайдай)²⁸.

Мать Иоанна после освобождения в конце декабря 1933 г. вернулась в квартиру на ул. Полозова, а в дальнейшем перешла на

26. Житие священномученика протоиерея Виктора Добронравова. С. 10.

27. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82899. Т. 1. Л. 71.

28. Там же. Л. 307–312.

нелегальное положение. Господь действительно сохранял ее по молитвам святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Не коснулся матушки даже так называемый Кировский поток — массовая высылка из города весной 1935 г. (после убийства Кирова) «социально-опасного элемента» (в том числе нескольких сотен священников и монашествующих), когда, по некоторым сведениям, из Ленинграда выслали монахиню Евпраксию и инокиню Наталью. Мать Иоанна мирно отошла к Господу 25 февраля 1939 г. в Ленинграде, сказав перед смертью: «Вера до конца будет Господу верна...»²⁹ Монахиню похоронили на монастырском участке Серафимовского кладбища, где традиционно хоронили сестер Иоанновской обители с 1910-х годов. Могила монахини Иоанны сохранилась.

Преданной духовной дочерью святого о. Иоанна Кронштадтского почти 20 лет была Екатерина Васильевна Духонина. Она родилась 19 февраля 1844 г. в дворянской семье и рано — в 17 лет — вышла замуж за офицера. Муж Екатерины Васильевны сделал блестящую карьеру, дослужившись до чина генерала. В 1887 г. он занимал должность коменданта г. Выборга и по настоянию жены подал прошение о переводе в г. Орел командиром дивизии. Друзья и знакомые отговаривали их от этого шага. Чтобы укрепиться в своем мнении, Екатерина Васильевна послала письмо о. Иоанну. Батюшка благословил перевод в Орел, и служба там сложилась удачно. А 19 февраля 1890 г. Духонина впервые лично познакомилась с о. Иоанном в Москве, где в то время ее супруг занимал должность начальника штаба военного округа, и с тех пор стала духовной дочерью кронштадтского чудотворца. В 1890–1895 гг. Екатерина Васильевна жила в Минске, так как муж служил там командиром корпуса, но 17 декабря 1895 г. она овдовела после 35-летнего брака. Именно тогда у Духониной впервые появилось желание уйти в монастырь, но о. Иоанн не благословил ее в то время на постриг. Екатерина Васильевна переехала из Минска в Москву, где жила до начала 1903 г., проводя каждое лето в Орловском Введенском женском монастыре.

В начале 1903 г. по приглашению о. Иоанна Е. Духонина впервые посетила Иоанновский монастырь в Петербурге, познакомилась с образом жизни его насельниц и игуменьей Ангелиной. И 13 февраля батюшка написал своей духовной дочери:

29. Житие священномученика протоиерея Виктора Добронравова. С. 12.

...Решай сама, как тебе поступить в нашу обитель, когда и на каких условиях³⁰.

С 5 марта до апреля 1903 г. Екатерина Васильевна жила при Иоанновском монастыре, затем, как обычно, уехала на лето в Орловскую Введенскую обитель; 7 октября 1903 г. отец Иоанн послал Духониной письмо с приглашением постоянно поселиться в Петербурге:

Милости прошу пожаловать в мой монастырь для водворения в оном или для житья при обители³¹.

С этого времени Екатерина Васильевна более пяти лет прожила в Иоанновском монастыре, вплоть до смерти батюшки; 17 октября 1903 г. отец Иоанн благословил ее заведовать недавно построенным домом для живущих при обители. При этом Е. Духонина по-прежнему проводила каждое лето в Орловском Введенском монастыре, с настоятельницей которого — игуменьей Антонией — была очень близка.

В феврале 1906 г. Екатерине Васильевне исполнилось 60 лет. На слова, что ей, видимо, недолго осталось жить, о. Иоанн возразил ей, повторив несколько раз: «тебе 50 лет, а не 60». Мысли о монашеском постриге не оставляли вдову, однако 6 августа 1908 г. митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) благословил ее жить, как и прежде, при обители без пострига. Весь период своего общения с духовным отцом Екатерина Васильевна вела дневник, записывая в нем все встречи с батюшкой. В последней записи, датированной 20 декабря 1908 г., описывались события, связанные со смертью кронштадтского пастыря. В 1911 г. в Петербурге была издана книга Е. Духониной «Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери)», сразу ставшая известной и читаемой широкой публикой.

В 1909–1917 гг. Екатерина Васильевна жила, в основном, в Москве и в Орловском Введенском монастыре. После революционных событий 1917 г. она все-таки стала послушницей Иоанновского монастыря, где, по некоторым сведениям, была вскоре пострижена в рясофор. Интересные данные о пребывании сестры Екатерины в стенах монастыря на Карповке содержатся в след-

30. Духонина Е.В. Указ. соч. С. 107–108.

31. Там же. С. 129.

ственном деле служившего в храмах обители прот. Иоанна Давидовича, которого 11 сентября 1919 г. арестовали «за ведение контрреволюционного разговора» в поезде. Постановлением Петроградской губернской ЧК от 11 октября 1919 г. священник был признан виновным, но из-под стражи освобожден с зачетом предварительного заключения. На допросе 12 сентября И. Давидович показал, что 7 сентября ему исповедовалась «генеральша» Духонина — автор известных духовных произведений. Ранее она жила на пенсию, выплачиваемую за мужа, но после революции не получала ее. Сын Екатерины Васильевны был убит, а сама она, став послушницей монастыря, судя по всему, продолжала писать личные записки-воспоминания. Сестра Екатерина подарила И. Давидовичу, как почитателю о. Иоанна Кронштадтского, свой дневник о встречах с бабушкой³². Имя Е. Духониной присутствует в списках насельниц Иоанновского монастыря за 1918–1920 гг., и далее исчезает. Вероятно, она скончалась в стенах обители во второй половине 1920-го — начале 1921 года.

32. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-34027. Л. 12.